

антиколониальной, социалистической (коммунистической) и осуществляется крестьянством и люмпенпролетарскими слоями городов насильственным путем (апология насилия в любых формах). По существу концепция Фанона — новое издание доктрины Бакунина и практики Народной Воли. Ее смысл — в инициировании анархического крестьянского бунта, способного ниспровергнуть современную цивилизацию. Здесь присутствует тот же культ революционности и насилия как «созидательной страсти», но одновременно — недоверие ко всем проявлениям организации и иерархии внутри движения.

Современный анархизм существует скорее в латентном состоянии, проявляясь время от времени в различных других формах или в союзе с другими идейными течениями. В подобных комбинациях анархизм присущ различным протестным движениям — молодежным, феминистическим, экологическим, представляя собой, по мнению некоторых исследователей, реакцию социальных групп на технокультуру и бюрократизацию общества (161). В этом качестве анархистская идеология и инспирированные ею программы на короткое время проявились в посткоммунистической России, быстро исчезнув с политической арены без всяких видимых последствий. В странах Западной Европы сохраняет определенные позиции интеллигентский, индивидуалистический анархизм, мода на который приводит иногда к весьма оригинальным социологическим построениям.

5.

НАЦИОНАЛИЗМ, ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ НАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Национализм — это идеология, рассматривающая в качестве высшей ценности достижение единства и самоопределения нации. При этом все иные ценности, выдвигаемые другими идеологиями — политического, социального, экономического или духовного преобразования общества, оказываются подчиненными этой главной цели, принимаются или отвергаются постольку, поскольку могут служить этой главной цели или затрудняют ее достижение. Поэтому элементы теории и идеологии национализма возникают в период становления национальных государств (162).

В Западной Европе — это эпоха абсолютизма (XVI—XVIII вв.), которая характеризуется рядом важных изменений. В основе абсолютистской доктрины исторически лежат две концепции — суверенитета и монархии, образующие понятие монархического суверенитета (в отличие от народного суверенитета демократических государств). В современной литературе абсолютизм рассматривается как эпоха формирования национальных централизованных государств западного общества и в этом смысле противопоставляется предшествующему этапу феодализма. При таком подходе абсолютизм предстает как целостная социальная система, которая, несмотря на специфику в отдельных странах, обладает рядом устойчивых признаков: наличием определенного уровня национального самосознания, экономической и социальной интеграции (система налогообложения), единой (хотя и не вполне унифицированной) системой правовых и политических институтов, характеризуется централизованным порядком управления, значительной ролью регулярной армии и рационализированной бюрократии в консолидации политической власти, наконец, господством определенной идеологии «общего блага», существенными компонентами которой становятся идеи социального и национального консенсуса и монархического суверенитета. В этой идеологической конструкции уже присутствуют элементы идеологии национального единства и самоопределения, которые особенно заметны в тех случаях, когда утверждение абсолютизма и создание империи связано с модернизацией традиционных обществ и их рационализацией, а также достижением преобладания в военной сфере. Этот феномен особенно четко проявляется в реформах Петра Великого и создании Российской империи в первой четверти XVIII в., в ходе создания Германской и Австро-Венгерской империй, объединения Италии в XIX в. Проявившись впервые в странах Европы, данные процессы оказались характерны для формирования новых национальных государств, в частности, в результате крушения колониальной системы после Второй мировой войны (163).

Национализм, как и другие крупнейшие идеологии современности, дает свою трактовку гражданского общества. Национализм происходит от сложившегося в средневековье понятия *natio* (*nasci* — родиться), которое означало в узком смысле происхождение человека. Национализм становится идеологией в XIX—XX вв., когда он оказал-

ся способен политически мобилизовать большие группы населения. Эта идеология ведет свое начало от Французской революции. Ее предпосылками служат идея народного суверенитета, появление централизованных государств и подъем третьего сословия вследствие становления гражданского общества (164).

К тому времени, когда собрались Генеральные Штаты, зародилась определенная степень политического консенсуса. Все партии согласились в необходимости конституции, призванной совместить представительные формы правления с гарантиями индивидуальной свободы и правления закона. Все согласились также, что фискальные привилегии не должны иметь места в новом порядке и пришло время для полного пересмотра финансов, администрации и юстиции. Эти проблемы были разрешимы, однако вскоре возникли другие. Главная из них состояла в интеграции буржуазии (или «третьего сословия») в политическую нацию. Этот процесс, наметившийся уже в ходе выборов в Генеральные Штаты и составления Cahiers, в дальнейшем проходил в условиях роста конфронтации третьего сословия и знати. В ходе политического конфликта и борьбы за власть шло формирование новой национальной элиты. Только когда была разрушена система привилегий и уничтожено право знати на особое положение в обществе и руководящая роль в решении государственных вопросов, был открыт путь новой политической элите, состоящей из собственников — нотаблей, которые выражали амальгаму бывшей знати и буржуа (165). Эта новая элита устами Сийеса начинает говорить от имени французской нации. Таким образом, формирование идеологии национализма оказывается тесно связанным с переходом от традиционного общества к современному массовому. При этом идеология национализма (как показывает опыт других подобных кризисов) имеет то преимущество, что позволяет аккумулировать социальные ожидания самых широких социальных слоев безотносительно к их статусу в прежней общественной иерархии, помогает им преодолеть чувство утраты социальной идентичности и осуществлять широкую социальную мобилизацию во имя национального возрождения.

Французская революция, наполеоновские войны, созданные ими идеологии и право, способствовали формированию национализма как идеологии и практике создания национальных государств в XIX—XX вв. и объединению Европы в единое сообщество наций. Класси-

ческий пример — рецепция в разных странах Европы, а затем и мира французского частного и публичного права. Индивидуалистическое по своей сути оно, парадоксальным образом, получило во Франции национальный характер и в то же время произвело за пределами страны сходный результат. Его принципы стали одновременно основой нового права в рамках отдельных государств и генерализации национализма. В XIX в. оно способствовало происхождению нового великого национального единства и последовательному нарастанию антагонизмов в Европе (166). Национальная лояльность гражданина заменяет традиционный способ легитимации по отношению к государственной власти. Национализм редко проявляется в чистом виде и обычно выступает в соединении с другими идеологиями вплоть до социализма и анархизма. Своеобразна интерпретация им принципа народного суверенитета. Речь идет о восприятии народа (нации) как носителя национального суверенитета. На этой основе ведутся поиски этнического, социально-экономического и культурного единства. В результате происходит фактическое (если не теоретическое) отождествление понятий народа (демоса) и нации (этнуса). Это имеет следствием подавление и искаженную ассимиляцию других этнических, культурных, религиозных или социально-экономических частей населения в рамках политического объединения. Она стремится совместить принцип народного суверенитета и его этническую трактовку, интерпретируя гражданское общество и демократию как защиту прав большинства народа в ущерб политическим правам национальных меньшинств. В крайней форме данный подход находит выражение в расовой теории, допускающей гражданские права лишь для одной господствующей расы.

Нация становится для национализма высшей секулярной ценностью, которая представляет собой сконструированное понятие, синтезирующее ряд различных параметров. Принцип нации получает всеобъемлющий характер в противовес всем другим параметрам социальных объединений как социальный класс, каста, семья, конфессиональные объединения, династия. Чувство национальной принадлежности социальной группы (народа) складывается из многих источников — языка, культуры, религии, традиции, нравов, исторического сознания или принятия объединяющих политических целей и задач. В этом процессе социальной интеграции по признаку наци-

ональной принадлежности существенную роль могут играть иррациональные или эмоциональные факторы в виде, например, осознания судьбы, воли и проч. Национализм как форма коллективной идентичности общества нового времени является ответом на такие процессы, как распад традиционных социальных связей аграрного общества (крестьянской общины, патриархальной семьи, религиозных объединений и ценностей); социальная дезинтеграция как последствие экономической модернизации; утрата общественной группой смысла и целей существования в быстро меняющемся мире. Распад традиционной легитимности, региональных и сословных связей открывает пространство для новой лояльности. Если абсолютизм вел к нивелированию старых социальных структур, а классы капиталистического общества также продолжали разрушение аграрных отношений, то нация — объединение еще более широкого уровня интеграции. В условиях глобализации, модернизации и информационного общества, поиск национальной идентичности и развитие национализма становятся важными политическими факторами во многих регионах мира. В этой связи следует подчеркнуть такие процессы, как развитие национализма и политической регионализации в Западной Европе, идущие параллельно с ее объединением. Данные тенденции проявились в ходе демократического переходного процесса в пост-франкистской Испании и отражены в широких правах, предоставленных автономиям Конституцией 1978 г., процессе так называемой деволюции в Соединенном Королевстве, который уже сейчас привел к предоставлению значительных прерогатив Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсу, развитию процессов административной децентрализации в Италии, Германии и других странах.

В Восточной Европе национализм оказался наиболее мощной идеологией, способной противостоять как коммунизму, так и его либеральным оппонентам. Поиск национальной идентичности приобрел здесь еще более драматический характер. Результатом стали политические изменения, легитимировавшие практически исключительно идеологией национализма (интеграция ГДР в ФРГ, распад Югославии и война на Балканах, мирное разделение Чехословакии на два государства, национальные беспорядки в Румынии и Венгрии, развитие национализма в Польше и государствах Прибалтики). Крупнейшим проявлением национализма стал распад СССР и образование

конфедерации — СНГ, которое, однако, не остановило развитие дезинтеграционных процессов в новых независимых государствах.

Важнейшим следствием этих процессов в Европе стало то, что национализм вытеснил ряд традиционных идеологий предшествующего периода, прежде всего социализм и либерализм в Азии и Африке. В свою очередь рост национализма дал толчок другим деструктивным процессам — от исламского фундаментализма и черного расизма до антиглобализма.

Национализм как самостоятельная идеология прошел в своем историческом развитии три стадии, выражающих расширение его социальной базы. Начальная фаза современного национализма — концепция интеллектуалов, создававших и теоретически обосновывавших идеологические мифы. К числу таких интеллектуалов относят обычно Гердера, Фихте и немецких романтиков, отстаивавших существование особого исторического феномена — народной воли, которой в принципе должно соответствовать общественное и политическое устройство. Это представление о народной или национальной воле объединяло такие различные направления мысли, как классическая немецкая философия, историческая школа права, классическая немецкая литература. Национализм в его романтической интерпретации стал идеологией объединения Германии, которая в той или иной форме разделялась большинством ведущих мыслителей эпохи. Это была идеология, способная объединить различные социальные слои во имя создания новой идентичности, осуществления реформ традиционного общества государством. В контексте данной идеологии средоточием национальной воли выступало именно государство, интерпретировавшееся в гегелевской философии как «действительность нравственной идеи» (167). В германской политической философии и практике реформ был создан тот идеальный тип национального сознания, который оказалось возможным использовать в других странах.

Следующая фаза наступает, когда данная идея (или миф) получает более широкое распространение за счет новых коммуникаций (газет, журналов, издательств, университетов, академий), но также и за счет социально мобильных слоев (чиновников, ученых, студентов), а также развития систем воспитания и передвижения. На данном этапе распространение идеи национального единства происходит среди широких интеллектуальных кругов, которые оказываются более восприим-

чивы к идее национализма. Историческими формами идеологии национализма служат либеральный национализм эпохи итальянского Рисорджименто; интегральный национализм как попытка объединения идеологии с концепцией сильного национального государства (Германия) и, наконец, так называемый народный национализм конца XIX в. с социал-дарвинизмом, антисемитизмом и идеей сильного государства.

Наконец, третья фаза наступает, когда национализм оказывается идеологией массового народного движения и выполняет при этом мобилизационные функции. В этом качестве национализм предстает в германском шовинизме, французском интегризме, итальянском национализме, а также подъеме различных расовых теорий, которые позднее питали фашизм. Фашизм (итальянский) и национал-социализм (германский) выступают прежде всего как антимарксизм. В этом смысле фашизм представлял собой порождение марксизма или русского большевизма, а по мнению некоторых исследователей, вообще не был возможен без него (168). В то же время очевидно, что фашизм опирался на длительную предшествующую традицию правого радикализма, давая его новую интерпретацию.

Теоретические основы фашизма раскрываются в контексте различных и чрезвычайно противоречивых теорий, социальных настроений и практики рубежа веков: к ним относятся расовая теория, дарвинизм, разрыв техники и культуры, кризис религиозного сознания, релятивизм в физике и социальных науках. Идея возвращения к утраченной гармонии, отказа от достижений либеральной культуры образованных классов, свойственная таким мыслителям, как Толстой, Ганди и Ницше, также оказывала влияние на почвеннические теории, выражалась в критике капитализма и марксизма, идеале национального возрождения. В конечном счете правый радикализм во всех его проявлениях объединяло отрицание либеральной и декадентской культуры. Национал-социализм и его «мировоззрение» было примитивным идейным конгломератом: это была эклектическая похлебка — *mixtum compositum* из элементов национального и социального, геополитического и расового, иррационалистского и техницистского учений, мнений, лозунгов. Не содержание, но идеологическая ценность были, с одной стороны, масштабом, а с другой, сильной стороной подобного нового мировоззрения, которое стремилось противо-

стоять модернизации и восстановить утраченное единство мышления и действия. Это была одновременно интегристская идеология и идеология поиска врага (169). В этом смысле праворадикальные и лево-радикальные тоталитарные идеологии имели значительное сходство. Оно заключалось в том, что все эти идеологии выполняли функции политических «эрзац-религий»: фашизм и национал-социализм, как и ленинизм-сталинизм, а позднее маоизм, обещали Тысячелетний Рейх или всеобщий коммунизм, но при этом были прежде всего мобилизационными идеологиями для борьбы с тотальным врагом и характеризовались борьбой с политическими неверующими. Оба типа тоталитарных идеологий полностью воплотили руссоистский идеал общей воли, ликвидировав все возможные различия в обществе и достигнув тотальной идентичности правящих и управляемых. Как классический либерализм, так и умеренный социализм, стоявшие на позициях сохранения демократических свобод, столкнулись с лево-абсолютистскими вариациями этих идеологий, которые в борьбе за власть и интеграцию общества обосновывали диктатуру, но в то же время обращались к тем идеям, которые выдвигались в предшествующее время для улучшения общества — политическое единство и социальная справедливость, народовластие и историческая миссия нации или класса. Это сопровождалось квази-религиозным культом коммунистических вождей, особенно Ленина. Рациональный компонент коммунизма усматривался в научной социологии и фашизма — в культе техники и эффективности.

Правый радикализм — понятие более широкое, чем фашизм. Сюда входят такие направления, как итальянский фашизм (Б.Муссолини, Дж.Джентиле), немецкий национал-социализм (А.Гитлер), испанская Фаланга (Х.А. Примо де Ривера, Ф.Франко), некоторые современные праворадикальные течения (например, П.Пужад и Ж.М. Ле Пен и его Национальный Фронт) (170).

Сионизм — пример националистической идеологии, используемой для политической мобилизации в целях создания еврейского государства. Теоретики сионизма XIX в. Мозес Гесс, Леон Пинскер и особенно — основатель современного сионизма Теодор Херцль в борьбе с антисемитизмом видели выход в национальном возрождении и самоопределении евреев в особом государстве, заложили основы этой идеологии, которая, однако, позднее скрещивается с другими, в

особенности с социализмом в период провозглашения государства Израиль в 1948 г. Различают в связи с этим политический, культурный, социалистический сионизм, ревизионистский сионизм (антисоциалистический и выступающий за сильное государство). Конфликт различных интерпретаций идеологии сионизма наиболее четко предстал в ходе дискуссий о конституции государства Израиль, которая так и не была принята. На Ближнем востоке еврейский национализм сталкивается с арабским национализмом, составляя основу нестабильности региона (171).

Таким образом, социальные и интеллектуальные предпосылки национализма, сложившиеся еще в эпоху абсолютизма и Французской революции, получили развитие не в сформировавшихся национальных государствах, а в тех, где проблемы национального объединения в новое и новейшее время не получили своего разрешения. Начавшись с протеста немецкой интеллигенции против наполеоновского вторжения, национализм распространился на более широкие слои студенчества и мещанства, а затем охватил нацию в целом, достигнув пика в фашизме. Вслед за Германией и отчасти под влиянием ее риторики, на тот же путь вступили Италия, Польша, Россия, затем — Балканы, страны Балтики и Ирландия, затем, после поражения Третья республика во Франции и так вплоть до настоящего времени, особенно в развивающихся странах. В настоящее время этот процесс проявился очень четко в распаде Советского Союза, Югославии, объединении Германии, а также сепаратистских националистических движениях в Канаде, Испании, даже Великобритании. Романтический национализм исходил из допущения, что реализация национального самоопределения с распадом многонациональных империй приведет к социальной гармонии как внутри этих национальных государств, так и в отношениях между ними. Вышло, однако, как раз наоборот: реализация националистических установок не остановилась на провозглашении новых национальных государств, но привела к конфликтам внутри них — с различными национальными меньшинствами. С другой стороны, в международных отношениях национализм противопоставил отдельные государства, приведя к более острым столкновениям между ними. Эта тенденция в новой форме проявилась в последнее десятилетие, когда провозглашение борьбы с терроризмом со стороны ряда ведущих государств стало легитима-

цией их вмешательства в дела других государств, иногда ставящее под сомнение нормы международного права (172). В результате появился агрессивный национализм, проявления которого встречаются и в современной России. Национализм при всей неопределенности его содержания как идеологии (а может быть именно поэтому) оказывается едва ли не единственной идеологией, которая в чистом виде перешла в современность. Распад ряда государств (в том числе и СССР) показал, что в условиях кризиса коммунизма в Восточной Европе именно национализм часто берет на себя функции интегрирующей идеологии.

Сделанные наблюдения показали устойчивость идеологии национализма, ее гибкость, позволяющую национализму выступать в сочетании практически со всеми другими идеологиями от консерватизма до анархизма, наконец, многообразие модификаций национализма в современном мире. Общий вывод состоит в необходимости пересмотреть традиционные принципы европоцентризма: сейчас ни одно политическое движение, во всяком случае, вне западного мира не будет успешным, если не использует националистических аргументов. В XIX и XX вв. социалистические течения имели успех только в соединении с национализмом. Националистические течения в конечном счете оказались сильнее, чем социалистические и вытеснили их в Восточной Европе. Большинство государств современного мира оказывается в условиях трудной дилеммы: сочетания национальных приоритетов с необходимостью модернизации и определения своего места в условиях глобализации.

Особенно четко данный конфликт идеологий проявился в ходе радикальных социальных движений в отсталых аграрных и колониальных странах. Влияние Запада привело к фундаментальным изменениям в странах Азии, на Среднем Востоке, Африке и Латинской Америке по следующим направлениям: индустриализация; демократизация; колонизация и христианизация. Особенно деструктивным это влияние было для древних неподвижных культур, как Китайская империя. Разрыв между запросами общества и возможностями правительства вызвал кризис легитимности власти, достигший апогея в 1911—1912 гг. Под вопрос были поставлены стабильность, централизация и унификация системы, скреплявшиеся традиционными конфуцианскими религиозными и этическими принципами, культурным единством правящего класса и преданно-

стью династии (173). Особенности идеологии китайской революции выявляются из сравнения с российской: быстрый переворот в России и «долгий путь» в Китае; пацифизм в одном случае и национализм в другом; движение революции из столиц (из Петербурга и Москвы) в провинцию и, наоборот, из отсталых зон (Шанхай) — в столичные города; преобладание рабочих в России и крестьян — в Китае (174). Главные составляющие китайской формулы — национализм, крестьянство, армия. Они присутствовали и в русской революции, но их соотношение было иным. В обоих случаях важную роль играл аграрный вопрос, ставший центральным. Существовало сходство революционных партий, имевших аналогичную структуру. И в том, и в другом случае импульсом революционного движения стала империалистическая война (вторжение Германии в Россию и Японии в Китай), существовал национальный кризис и, как следствие, слабость противника революции — правящего класса и государства в целом. Однако выражение этого кризиса было разным: революция во имя интернационализма в России и революция во имя национального освобождения — в Китае. Роль лидеров была не однозначна: Мао в Китае был единственным национальным лидером, воплощавшим в одном лице Ленина-Троцкого-Сталина. Китайская революция в связи с этим сформировала модель для революций в странах Третьего мира именно в силу своего национального, антиколониального и крестьянского характера.

Своеобразное соотношение национализма и модернизации представлено моделью социальных преобразований в Японии нового и новейшего времени. Дело в том, что этой стране в сравнительно короткий исторический промежуток времени удалось перейти от традиционного общества к индустриальному, причем осуществить этот переход без социальных потрясений. Фактически эта модель иллюстрирует возможность избежания революции путем радикальной реформы. Не случайно японская историография колеблется в определении такого принципиального исторического периода, как «эра Мейдзи», определяя его и как «революцию», и как «реставрацию». Нарастающая быстрота изменений была причиной смены фаз революции фазами реакции (175). В отличие от опыта европейских революций и их азиатских аналогов (как Китайская или Иранская революции) японская модель показывает, каким образом радикальные социальные изменения (новая система ценностей, социальная струк-

тура, политические и правовые институты) могут быть введены без революционного взрыва наверху, без массивных изменений обстоятельств жизни внизу. Прошлое (национальная традиция) продолжает влиять на новый порядок, но это не предотвращает демонтаж этого порядка, экспроприацию привилегий и доходов старой элиты, организационную революцию и глубокую реформу институтов и правил, которые ограничивали возможности обычных людей (176). Контакты с Западом, неравноправный договор 1858 г., дали импульс процессу модернизации, борьбе за власть внутри правящих групп, выявили различные позиции в отношении национального единства и укрепления государства, стимулировали институциональные реформы. Результатом стала смена режима Токугава в ходе серии кризисов 1867—1868 гг. абсолютизмом. Гражданская война 1867—1869 гг. укрепила позиции радикалов. Был осуществлен ряд социальных реформ — реформа земельного налогообложения 1871 г., введение новой образовательной системы и реформа армии. Завершением этого процесса модернизации и европеизации стало принятие конституции Мейдзи. Был произведен синтез модернизации и национальной традиции, позволивший избежать социальной революции в западном смысле. Этому способствовали, как показали исследования, особые культурные и социальные факторы — конфуцианская этика, патриархальные семейные связи в обществе, особенности культуры правящего класса. Таким образом, это была не революция, а реформа (или реставрация): власть не перешла к новому классу буржуазии, элита, определявшая политические решения, по-прежнему формировалась из бывших самураев. Изменения социальной природы власти носили не революционный, а эволюционный характер. Результатом был не феодальный и не буржуазный строй, но гибрид между ними, который японские марксисты называли бюрократическим абсолютизмом в духе Восемнадцатого брюмера. Это была промежуточная стадия модернизации, которая завершилась лишь в XX в. (177).

В Латинской Америке национализм как фактор революционных изменений проявился уже в ходе мексиканской революции начала XX в. В Мексике революция (в отличие от России) началась в провинциях, установилась в сельской местности и, наконец, овладела столицей; эта революция (в отличие от Китайского образца) не смогла создать авангардную партию или соответствующую идеологию. Кре-

стьянское и провинциальное происхождение мексиканской революции делало ее схожей скорее с крестьянским восстанием, точнее многочисленными разрозненными восстаниями, ряд которых был проникнут национальными чаяниями, другие носили чисто провинциальный характер, но все вместе — отражали местные условия и требования. Силы, выдвинутые этими восстаниями, заключали местные соглашения, составляли эфемерные коалиции, но за этой широкой кроной стояли локальные корни, дававшие революции ее соки. И даже когда восстание сменилось периодом реконструкции после 1915 г., главной проблемой революционных победителей стало установить власть в непокорных провинциях. Это была та же задача, которую стремился решить режим патриархальной военно-полицейской диктатуры Порфирио Диаса, которая за длительное время существования обеспечила стабильность и создала условия для экономического роста (178). До революции Мексика представляла собой по преимуществу аграрную страну, несмотря на индустриальный прогресс последних лет порфириата. Крестьянство — главная движущая сила революции — было чрезвычайно отсталым: традиционалистским и религиозным, слабо связанным с городами. Случай Мексики не похож на случай России в ту же эпоху. В Мексике, в отличие от России, не было мощных революционных центров в городах (как Петроград). В России, кроме того, конфликтная фаза классовой борьбы охватила отсталые территории только под влиянием движения рабочих из городов. В Мексике ситуация отлична — пролетариат, слабый, гетерогенный, еще слабо индустриализированный, не мог быть движущей силой революции. В результате идеология революции была глубоко националистической, т.е. радикально удаленной от пролетарской модели, являющейся интернационалистской (179).

Развивающиеся страны дают интересное преломление всех идеологий через призму национализма: интеллигенция этих стран, традиционно европейски образованная, заимствовала многие европейские теории, но вынуждена была искать их оптимального соотношения с реальной местной обстановкой. Таким образом, получилось, что идеи национального возрождения и модернизации находили интерпретацию с различных идеологических позиций. Возникают комбинации, подчас весьма причудливые, национализма с другими идеологиями. Особенно характерно это для Латинской Америки (интеллигенция которой

наиболее близка западноевропейской), где все европейские идеологии нашли своих адептов. Это либерализм в его классическом понимании (в стиле Хайека) в трудах перуанца Варгаса Льосы, но одновременно понимание того, что общество не готово к принятию правовой системы и экономики западного мира (работы Э. де Сото) (180). В исторической перспективе принятие европейских идеологий и попытки их реализации вели к сочетанию национализма, популизма и авторитаризма — специфический латиноамериканский вариант либеральных реформ в экономике и военных диктатур. Эти идеи вдохновляли аргентинского диктатора Хуана Перона (1895—1974) (181) и бразильского диктатора Гетулио Варгаса (1883—1954) (182). Как перонизм, так и варгизм стремились сочетать популизм и авторитаризм с целью проведения модернизации и необходимых социальных реформ. Перон возвел свою социально-политическую программу (Justicialismo), которую он пытался реализовать в ходе троекратного пребывания у власти, в ранг государственной идеологии, законодательно закреплённой в 1952 г. Государство должно было преследовать две цели — обеспечить благосостояние и политическую независимость Аргентины. В обоих случаях (в Аргентине и Бразилии) эти реформы сопровождалась изменениями конституции и попытками активного вовлечения низших слоев населения в социальную поддержку режима, который неизбежно приобретал демагогический характер. Исследователи усматривали здесь сходство программ двух лидеров с фашизмом, но отмечали и локальную специфику, связанную с социальной структурой общества и ролью армии в политике. Оба диктатора неоднократно приходили к власти и устранились от нее, что говорит об известной цикличности идеологии и политики в Латинской Америке. При интерпретации политических режимов во многих странах Латинской Америки XX в. и их идеологии, исследователи обращались к аналогиям с французской традицией бонапартизма и голлизма (183).

В контексте становления независимых государств в период кризиса колониальной системы рассматриваются индуистский национализм и учения Мохандоса Карамчанда Ганди: его теории ненасильственного сопротивления, стремление совместить национальное движение с духовным и религиозным возрождением; идеи Джавахарлала Неру, дополнявшего идеал аграрного общества идеями индустриализации и планирования (что включало стремление найти синтез

идей национализма, либерализма и социализма) в рамках антиколониальной борьбы. Национализм был характерен для учения Сунь Ят-Сена в Китае, сделавшего упор на возрождение национального государства. Для Африки теоретическое обоснование культурных ценностей черной Африки в постколониальный период выразил наиболее полно Леопольд Седар Сенгор, выступавший за сближение цивилизаций Европы и Африканских народов (длительное время был президентом республики Сенегал) (184).

В данном контексте необходимо упомянуть о концепциях «социализма национального типа» 70—80-х гг. XX в. Эти идеологии становились основой антиколониальных революций и характеризовались обращением к традиции и религии ислама. Их специфической разновидностью стала идея «третьей мировой теории»: главной задачей провозглашалось построение «подлинного социалистического общества на основе принципов ислама», а эксперимент ливийской революции — джамахерия («государство масс») — «альтернативой капиталистическому материализму и коммунистическому атеизму». Эти идеи развиты в книге Каддафи, изданной в 1976—1979 гг. в Триполи. При ближайшем рассмотрении оказывается, что данная идеология многим обязана Руссо. Идеал современного общества, находящегося в состоянии глубокого кризиса, следует искать не в будущем, а в прошлом. Подвергается критике современная либеральная демократия, поскольку она носит искусственный и представительный характер, а также такие ее атрибуты, как конституция, выборы, референдум. В основе общества должен лежать не искусственно составленный и волюнтаристски навязанный текст конституции, но естественный закон, основанный на религии и обычаях, присущих данной нации. Решение «проблемы демократии» чрезвычайно просто. Вслед за Руссо Каддафи подвергает резкой критике парламентские формы правления, видя в них фальсификацию демократии и прикрытие диктаторских режимов. В эпоху масс парламентская демократия, представленная горсткой депутатов, стала «абсурдом». Поскольку парламентские режимы стали средством узурпации и присвоения суверенитета народа (который они не представляют), последний вправе уничтожить их в ходе «народной революции». Не менее жесткой критике подвергаются все попытки провести разделения в обществе по признакам класса, племени, клана и особенно делению на партии, которые, представляя меньшинство общества, стремятся под-

чинить его своему авторитарному правлению. Они интерпретируются как «современное диктаторское орудие правления, поскольку партия — это власть части над целым». Плюрализм партий лишь подрывает единство общества и усиливает борьбу за власть. В стиле Руссо он говорит о маневрировании, трюкачестве и политиканстве партийных лидеров, объявляя всякую партийную систему «откровенной, неприкрытой формой диктатуры». Вместо представительной демократии (парламентаризма) и партийной системы (раскалывающей единый народный суверенитет) выдвигается концепция непосредственного народного управления — джамахирии, «когда каждый и управляет и правит» путем создания «народных комитетов», «народных конгрессов» во главе с «национальным конгрессом», структура и организация деятельности которых напоминают советы. Это сходство еще более усиливается тем, что в обоих случаях речь идет не о разделении, а о слиянии властей, действует принцип самоконтроля. Согласно этой теории «орудием правления является народ и, следовательно, народ контролирует сам себя». Следствием этой теории служит поглощение личности корпоративистскими структурами с соответствующим ограничением политических прав индивида. Ряд положений данной теории показывает апелляцию к таким традиционалистским ценностям, как семья, племя, нация и даже раса. Выдвигается нечто в роде стадий господства в мире различных рас: если для первой из них было характерно господство белой расы, а для последующего — желтой, то третья — принадлежит черной, которую отличает «психологическое стремление к самоутверждению и реабилитации». «Ныне, — заявляет Каддафи, — наступает период господства черной расы». «Править миром будут черные» (185).

Сделанные наблюдения показывают, что национализм, в отличие от других идеологий, обладает гораздо большей жизнеспособностью. Если другие классические идеологии во многом исчерпали свой потенциал к настоящему времени, то национализм, напротив, — единственная идеология, перешедшая в чистом виде в XXI в. Кризис коммунизма и распад государств в современном мире связаны с возрождением национализма. Чем объяснить такую устойчивость данной идеологии? Во-первых, тем, что в условиях глобализации она дает возможность сохранить национальную идентичность, которая является более устойчивой формой идентичности по сравнению со всеми остальными, представляя собой их синтез (историческое прошлое,

язык, культура и проч.). Во-вторых, эта идеология всегда легко находит образ врага, необходимый для консолидации сообщества (в виде национальных меньшинств); в-третьих, идеология национализма оказывается чрезвычайно гибкой и легко вступает в сочетание со всеми другими идеологиями, которые не могут найти точек соприкосновения между собой. В европейской истории, как было показано, национализм сочетался с консерватизмом, либерализмом и даже коммунизмом (в виде сталинизма и маоизма). В настоящее время, в условиях кризиса национальной идентичности в объединенной Европе, национализм получает широкую социальную базу, а представляющие его партии заявили о себе как о серьезной силе, способной прийти к власти демократическим путем. Так возникают чрезвычайно мощные формы идеологического синтеза, опирающиеся на традиционные архетипы сознания аграрного общества — национальный социализм или социальный национализм, соединяющие в разных комбинациях архетип национальной (племенной, расовой) идентичности, с одной стороны, и социальной (классовой) — с другой. Именно поэтому данный синтез лежит в основе разных модификаций тоталитарных идеологий — фашизма, сталинизма, исламского фундаментализма, которые, при всех принципиальных содержательных различиях, имеют то общее, что подчеркивают единство национальной и социальной идентичности. С этим связано и постоянное воспроизводство данного синтеза в истории различных стран вплоть до новейших модификаций «социализма национального типа» и «черного расизма», представляющих собой своего рода «апартеид наоборот».

Исламский фундаментализм. Исламское возрождение, несмотря на свою активность и агрессивный характер, представляется по преимуществу защитным движением, направленным против модернизации. Оно является главным образом культурным и социальным феноменом, хотя включает и политическую составляющую. Сила воздействия ислама как идеологии определяется именно союзом политического и культурного протеста. Некоторые исследователи полагают, что ислам означает отрицание модерна. Очевидна связь ислама и национализма (поиска национальной идентификации) с критикой империализма и колониализма. Эта ситуация создает предпосылки для революционной трактовки ислама и создания на этой основе нового

авторитарного режима. Возникает идея «чистого государства», освобожденного от коллаборационизма и воплощающего исламскую доктрину в полном объеме (т.е. доктрину исламского возрождения). Модернизация — столкновение традиционных обществ с западной цивилизацией (прежде всего с техникой) — порождает стремление элиты копировать западный образ жизни. Но это ведет к большему, чем ранее расслоению общества, противопоставлению культурной элиты и плебса, росту богатства на одном полюсе и бедности на другом. Отсюда реакция — стремление к возврату традиционных ценностей. В этом ключ к пониманию возрождения ислама в ходе революций и роста роли проповедников. В то время как либерализм становится идеологией новых привилегированных слоев, традиционализм — уделом нищих масс.

Возврат к традиционным ценностям в этих условиях выступает как следствие противоречий переходного периода. В своей нищете плебс остается верным этой исконной культуре, ее нормам, которые ориентируют на сохранение образа жизни в неизменном виде. Это население поворачивается к своим собственным идеологам — религиозным проповедникам, традиционно составляющим интеллектуальную сеть, близкую к народу. В странах, где на вершине иерархии существует мощная, независимая и богатая церковь (как в шиитском Иране), она располагает широкими кадровыми ресурсами (более близкими к народу, чем государственные чиновники), идеологической доктриной и ритуалом, который всегда оставался неизменным и не обновлялся. Это позволяет осуществлять сакрализацию культуры верующих масс в рамках традиционных норм. Традиционалистские слои общества остались враждебны к нравам европеизированных высших слоев и всему, что их символизирует. Сам ислам также трансформируется в ходе социальных изменений и борьбы: отсюда историческая возможность осуществления модернизации в традиционных формах. Если модернизация объективно выдвигает западнически ориентированных людей, то возрождение ислама — консервативные элементы, дает им возможность сохранить свои традиционные привилегии и статус в обществе. Эти силы объединяются в противодействие Западу. У Хомейни не было необходимых или даже иллюзорных рецептов, чтобы стать Робеспьером или Лениным, — говорит Родинсон. Они не были духовными иерархами. Скорее, здесь уместно сравнение с Са-

вонароллоу или, в случае некоторых практических идей, касающихся власти, — с Кальвиным или Кромвелем, но возможно также и с Торквемадой.

Для понимания вклада ислама как политической идеологии целесообразно отметить некоторые его особенности в качестве религии. В отличие от христианства ислам предстает не только как ассоциация верующих, признающих одну истину, но и как «тотальное общество» (186). Христианство возникло и существовало в государстве, осуществляло идеологическую власть параллельно с государством, стремилось доминировать над ним, но не подменять его. В сравнительной перспективе, предложенной современными исследователями, политические идеологии двух религий (христианства и ислама) оказываются весьма различны. Идеальная цель христианства — конституция Церкви, т.е. структурированная организация общины верующих, обеспечивающая каждому верующему возможность осуществить свое спасение, воспользоваться божественной благодатью. Церковь требует от государства как минимум обеспечить защиту и помощь, которые помогут ей выполнить ее собственную миссию. Напротив, мусульманская община, родившаяся в племенном обществе, где не существовало государства, была (как видно из биографии Пророка) вынуждена обстоятельствами самоорганизоваться в государство практически со времени своего возникновения. Община верующих была в то же время политической структурой — государством. Стать мусульманином означало в одно время принадлежность к религии, движению и организации политического типа, т.е. стать одновременно верующим и подданным. Глава общины Пророк и его преемники — халифы были вождями, соединявшими в одних руках решение вопросов веры, внутреннего управления общиной-нацией и внешними отношениями любого рода. Отсюда — тенденция к реализации идеального государства в виде всемирной империи, где религиозная и светская власть неразделимы. В этом смысле ислам, по мнению некоторых исследователей, имеет сходство с коммунистической идеологией, подавляя личность и заставляя ее верить в то, что это лучшее общество из всех возможных, не замечая его недостатки. С тоталитарными идеологиями ислам сближает закрытость общества, теократический характер государства, недопущение сект и инакомыслия, соединение морали и религии (морально то, что угодно Богу). Достаточно, следовательно, жестко следовать Корану и традиции (од-

нажды очищенной критической работой от неаутентичных элементов), чтобы установить, или лучше сказать, восстановить в мусульманском обществе гармонию и справедливость, существовавшие ранее. Высший глава общины — имам или халиф, на которого возложена обязанность следить за четким применением принципов, в то же время делегирует часть своих функций назначенным администраторам, но призван сохранять личный контроль и наблюдение за ними. В качестве легитимного наследника Пророка имам имеет огромную легитимность, а его власть приобретает харизматический характер. Все концентрируется, следовательно, в личных качествах имама, от которого зависит хорошее руководство общиной, назначение компетентных агентов, справедливых и почтенных, отстранение их в случае невыполнения ими своего долга. Таким образом, оказывается, что имам на практике является подлинным главой общины, располагает властью, что отнюдь не всегда было так. Согласно традиции имаму следует повиноваться, причем какой-либо механизм контроля над ним отсутствует. Теоретически возможно отрешение имама от власти, если он несправедлив (прежде всего, с точки зрения религиозных догматов), но фактически это всегда происходит уже после переворота, чтобы легитимировать власть нового имама. На практике, отрешение от власти никогда не было ни чем иным, нежели теоретической легитимацией, сделанной *a posteriori*, уже после переворота, восстания претендента, свержения имама с помощью силы. Всегда находились религиозные теоретики, способные с помощью религиозных догматов освятить любую подобную политическую акцию. Если свергнутый имам оказывает сопротивление, то, очевидно, что восставшая сторона найдет способы обоснования и поддержки конкурирующего имама. Однако речь не идет об оправдании восстания в принципе, которое всегда осуждается. Речь идет о необходимости повиновения единственному легитимному имаму. Таким образом, как система религиозных догматов, ислам, в отличие от христианства, не включает в себя таких принципов, как конфликтность естественного и позитивного права, учение о легитимной власти и тирании, из которого в западной средневековой христианской философии выводились идеи договорной природы общества, прав личности в отношении государства, концепции легитимного сопротивления тирании. Ислам обосновывает такое теократическое государство, которое не знает правовых ограничений власти.

В литературе отмечается, однако, известная неопределенность понятия исламского государства, связанная, во-первых, с различными его историческими прецедентами и, во-вторых, с разным содержанием, которое вкладывалось в это понятие самими исламскими теоретиками. Можно теоретически сконструировать три идеальных типа: арабское государство; исламское государство; азиатское государство. Всякий раз, когда говорим об исламском государстве с III до XX в. мы, — отмечает французский исследователь, — имеем в виду, в сущности, комплексную реальность арабо-исламо-азиатского государства. Идеальную модель исламского государства создал Ибн Халдун. «*Nomus islamicus*» — в определенных случаях идеальный тип мотивации. Исламская мысль не способна дать диагноз и терапию всего круга проблем, которые стоят перед их обществами. Можно говорить о кризисе традиционной исламской идеологии, представители которой вынуждены принять одну из существующих идеологий (исламский либерализм, исламский социализм, национализм и т.д.). Современный ислам, таким образом, есть нео-ислам, который является в большей степени политико-социальной идеологией, нежели теологией или социальной практикой (187).

В то время как в Европе революции следовали за довольно жестоким и продолжительным конфликтом между религиозной и светской властью, в мусульманских обществах этот конфликт не имел места. Светская власть в этих обществах столетиями поддерживалась, по крайней мере в теории, властью священных законов. В отличие от европейских революций, которые имели интеллигентский характер (всегда новая доктрина революции и стратегия использования масс для захвата власти), исламские революции делаются религиозными теоретиками и фанатиками. Это возможно в исламском обществе, благодаря специальным отношениям, которые традиция обеспечивает между лидером и массами (апокалиптичность исламского универсализма). Вот почему, в отличие от развития революций в Европе, революция в исламе не дает императива секуляризации человеческой истории. Установление исламского царства справедливости и власти есть уже политическая ценность, коренящаяся в вере адептов. Подобно католицизму и кальвинизму в европейской истории, исламский фундаментализм способствует возвращению мусульманского общества в рамки

коллективистской религиозной традиции, делая это во имя очищения духовной жизни общества (188).

Конфликт идеи правового государства с принципами исламского государства, закрепленными рядом конституций под влиянием иранской революции (Египет, Сирия), является свидетельством неустойчивости ситуации. Ключ к пониманию конфликта — столкновение традиционного мусульманского права с задачами модернизации и рационализации (которая оборачивается европеизацией права, заимствованием западных конституционных норм). Однако эти нормы не действуют в традиционном обществе: возникает порочный круг, возвращающий ситуацию к исходной точке конфликта. Наступление улема против правового государства, возрождение исламского права под влиянием национализма стали характерными тенденциями последнего десятилетия (189). Во многих странах принятие ислама в качестве официальной (конституционной) религии и политической идеологии является вынужденной мерой, предпринимаемой военными режимами в условиях борьбы с силами фундаментализма. Именно армия, бизнес и бюрократия оказываются теми силами, которые сдерживают рывок исламского фундаментализма к власти. Данное отношение к исламу было характерно для многих крупных реформаторов исламских обществ, как Кемаль Ататюрк и Насер, выступавших за модернизацию и европеизацию своих стран вопреки исламским традициям.

Модернизация и европеизация в исламских странах, прежде всего Османской империи, вела, начиная уже с XVIII—XIX вв. к следующему выбору: оставаться на позициях реформ и углублять их при техническом содействии Запада вопреки сопротивлению духовенства (улама) или, напротив, вернуться к фундаментальным культурным ценностям (ислама), позволяющим сохранить идентичность, защитные механизмы культуры, реформировать также сам ислам в целях укрепления мусульманского общества. Обе тенденции подразумевают изменение, однако, первая — более радикальное (путем простого заимствования техники и достижений); другая — более консервативное, связанное с сохранением стереотипов восприятия или даже их укреплением. Первый путь представлен Мустафой Кемалем (1881—1938) и получил название кемализма, второй — выражается в доктринах исламского фундаментализма.

В условиях глобализации мира исламский фундаментализм оказался идеологией, претендующей на интеграцию ряда деструктивных доктрин и практики в единую идеологию, имеющую признаки тоталитарной. В своей политической риторике он объединяет как собственно традиционные мотивы (борьба Запада и Востока, конфликт цивилизаций, культур и религий), так и различные формы деструктивного социального протеста (национализм, антиколониализм и т.д.). В своем отрицании принципов открытого либерального общества и западной индивидуалистической культуры, он оказался способен принимать крайне агрессивные формы. В этих условиях представляется важным разграничить ислам как религию и исламский фундаментализм (радикальный исламизм) как политическую идеологию. Последняя, подобно другим политическим идеологиям (например, коммунизм, национализм, фашизм), приобретает собственную логику развития, не зависимую от первоначальных содержательных ингредиентов.

6.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ: НАСКОЛЬКО УНИВЕРСАЛЬНА ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Радикальные изменения связаны с процессом глобализации: среди них качественное изменение коммуникаций; новые конфликты (приобретающие глобальный характер); как следствие — новые идеологии (воспроизводящие на новом уровне обобщения старые идеи). Борьба за контроль над ресурсами, коммуникациями, информацией, образованием и проч. становится социальным основанием глобализма и антиглобализма. Появление антиглобализма как некоторого (пока весьма неопределенного) подобия идеологии, окрашенного левой направленностью, — интересный феномен в контексте данного исследования. В это течение мощным потоком влились все дискриминируемые социальные слои — по экономическому, экологическому, социальному, половому, возрастному параметрам. Функция этой протоидеологии — заменить или радикально модернизировать весь спектр старых элементов критической теории. Здесь много от утопи-